

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 882, 82-31, 82-311, 82-312.6

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-72-2-104-110

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ И ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ
В ПРОЗЕ ПОКОЛЕНИЯ «ТРИДЦАТИЛЕТНИХ»

© Гульнара Алтынбаева

FICTION AND NON-FICTION IN THE “THIRTY-YEAR-OLD”
GENERATION (“MILLENNIALS”) PROSE

Gulnara Altynbaeva

Based on the analysis of the texts from contemporary Russian literature, the article investigates one of the features of the “thirty-year-old” generation prose (V. Bogdanova, O. Vasyakina, K. Hepting, K. Kupriyanov, E. Manoilo, V. Pustovaya, B. Khanov, I. Khanipaev, et al.). As an additional source, this research uses “thirty-year-old” writers’ interviews and the results of the comparison of their prose with the texts and manifestos of “new realists”. The purpose of the research is to understand the features characterizing the combination of fiction and non-fiction in the latest Russian prose. The article raises the problem of biographical, non-fictional and fictional boundaries in the “thirty-year-old” generation texts. In particular, it appears necessary to understand how the millennial author’s biography is reflected at the levels of the genre, composition and plot. Special attention is paid to the authentic and psychological aspects in the artistic method of “thirty-year-old” writers who include the elements of a diary, confession and Bildungsroman in the structure and content of their prose. They also create their own pseudo-memories, an alternative history. The research concludes that the “thirty-year-old” generation prose problems and poetics are influenced by the writer’s biography and personality, as well as the specific period of the time they write in.

Keywords: contemporary Russian literature, “thirty-year-old” generation (“Millennials”) prose, non-fiction, V. Bogdanova, O. Vasyakina, K. Hepting, E. Manoilo, V. Pustovaya, B. Khanov, I. Khanipaev

На материале текстов современной русской литературы (В. Богданова, О. Васякина, К. Гептинг, Е. Манойло, В. Пустовая, Б. Ханов, И. Ханипаев и др.) обосновывается один из признаков прозы поколения «тридцатилетних». В качестве дополнительного источника привлекаются интервью с писателями и результаты сопоставления прозы поколения «тридцатилетних» с текстами и манифестами «новых реалистов». Цель исследования – понять особенности соединения художественного и документального в новейшей отечественной прозе. В статье поднимается проблема границ биографического, документального и вымышленного, художественного в текстах писателей поколения «тридцатилетних», в частности, как биография автора-миллениала находит отражение в художественном произведении на жанровом, композиционном, сюжетном уровнях. Специальное внимание обращено на своеобразие достоверности и психологизма в художественном методе писателей поколения «тридцатилетних», включающих в структуру и содержание своих произведений элементы жанра дневника, исповеди, романа воспитания, а также создающих свои псевдовоспоминания, альтернативную историю. Автор статьи приходит к выводу о влиянии не только биографии и личности писателя, но и времени на проблематику и поэтику прозы «поколения профессиональных писателей».

Ключевые слова: новейшая русская литература, проза поколения «тридцатилетних» («миллениалов»), non-фикшн, В. Богданова, О. Васякина, К. Гептинг, Е. Манойло, В. Пустовая, Б. Ханов, И. Ханипаев

Для цитирования: Алтынбаева Г.М. Художественное и документальное в прозе поколения «тридцатилетних» // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 2 (72). С. 104–110. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-72-2-104-110

В 2010-е годы, после стремительно ворвавшегося в начале 2000-х гг. поколения «двадцатилетних», «новых реалистов», кажется, в литературе наступило затишье. Но, как оказалось, именно в это время формировалось следующее писательское поколение – писатели-миллениалы, «тридцатилетние». Если «новые реалисты» оформились благодаря премии «Дебют» и Форуму молодых писателей в Липках, то официально старт «тридцатилетним» в 2017 году дала премия «Лицей». Среди ее номинантов и победителей Игорь Савельев, Кристина Гептинг, Евгения Некрасова, Андрей Грачев, Константин Куприянов, Булат Ханов, Степан Гаврилов, Алла Горбунова, Оксана Васякина, Ася Володина, Вера Богданова, Михаил Турбин, Екатерина Манойло и др.

Один из ключевых признаков прозы поколения «тридцатилетних» – другое, по сравнению с «новыми реалистами», отношение к non-fiction, к документальности, другое понимание достоверности, искренности. Цель данной работы – представить и обосновать связи документального и художественного в текстах поколения «тридцатилетних».

В знаменитой «Нобелевской лекции» А. И. Солженицын, представляя эстетическую позицию писателя XX века, в век тоталитаризма и тотального обмана, настаивал на писательской искренности, которая напрямую связана с истинностью. Примечательно, что непременным условием движения к истинности называлась мысль, пронизанная искренностью [1, с. 19]. Именно тогда произведения, «зачерпнувшие истины», «захватывают нас, приобщают к себе властно, – и никто, никогда, даже через века, не явится их опровергать» [Там же, с. 19]. На мой взгляд, в определенном смысле у авторов поколения «тридцатилетних» есть сходное стремление, но их ответ на вопросы «что есть истина?» и «что такое искренность?» другого порядка. Истина у «тридцатилетних» – правда, исповедь о своем поколении, а достоверность не выходит за пределы социально-бытовых проблем, волнующих только само поколение «тридцатилетних». Следует охарактеризовать проблематику прозы «тридцатилетних», чтобы объяснить ценность этой новой писательской линии для современного читателя русской литературы.

Критик из поколения «тридцатилетних» И. Родионов убежден, что «сейчас набирает силу плеяда авторов, обращающихся напрямую к миллениалам. К людям, не имеющим или почти не имеющим советского опыта. Активным. Такие писатели (а они могут быть совершенно любого возраста – писатель есть существо возраста своих книг) становятся, как ни странно, именно

цветными двойниками, отражениями своих маститых современников – и это уже похоже на тенденцию» [2, с. 223]. И. Родионов прав, когда одним из признаков прозы отечественных писателей-миллениалов называет «перформативную непроверяемую достоверность» [3, с. 38], а популярный тезис о «новой серьезности» и «новой искренности» современной литературы – «ловушкой раздувания личного опыта до какой-то сверхценности» [Там же, с. 41].

«Тридцатилетние» убеждены в необходимости поделиться с современниками своим переживанием жизни и ее испытаний для восполнения недостающих фактов и доказательств состоятельности эпохи и ее представителей. И делают они это прямолинейно, натуралистично, иногда даже демонстративно-протестно. Но безжалостная правда их текстов (смерть близких, насилие, одиночество, сиротство и др.) вызывает сочувствие, сострадание. Это продуманный психологический ход в сторону гарантированной реакции читателя. Почти все писатели поколения тридцатилетних либо выпускники филфаков, журфаков, либо литературных курсов и мастерских, где их «научили» не только сюжетосложению, но и мастерству психологического рисунка, «диалектике души», приемам потока сознания и т. п. Именно поэтому, на мой взгляд, нередко и повествование в прозе поколения «тридцатилетних» ведется от первого лица или в форме дневника, фиксируются даты событий или записей о них, есть и нарративные формы диалога с читателем. Например, «Плюс жизнь» и «Сестренка» К. Гептинг, «Типа я» И. Ханипаева, «Рана», «Степь» и «Роза» О. Васякиной, «Ода радости» В. Пустовой, «Сезон отравленных плодов» В. Богдановой и др. Порой трудно отделить художественно сделанные монологи героев от «лирических отступлений» и размышлений самого автора. И речь идет либо об автобиографичности, либо об автопсихологизме. Сами авторы в интервью говорят в том, что их тексты включают фрагменты псевдопамяти, псевдобιοграфии. Это своего рода преодоление принципиального автобиографизма и документальности прозы «новых реалистов». Но проза поколения «тридцатилетних» – это и возврат к жанру романа воспитания, в центре которого было психологическое, нравственное и социальное формирование личности главного героя [4].

В повести первого победителя премии «Лицей» Кристины Гептинг «Плюс жизнь» (2016) рассказ ведется от лица молодого героя Лео, родившегося от ВИЧ-инфицированной матери и уже отметившего совершеннолетие, несмотря на убежденность выросшей его бабушки, что

«невозможно жрать столько таблеток и долго жить» [5, с. 12]. В интервью К. Гептинг признавалась, что написать такое произведение ее толкнуло отсутствие адекватных книг на эту тему [6] и убежденность людей, «что это происходит где-то далеко, с какими-то совершенно другими людьми» [7]. Произведение не автобиографично, просто написано, как говорит сама К. Гептинг, равнодушным человеком. Но заряд искренности, детальное погружение в тему, о которой не принято писать, невыдуманность «злой», жестокой реакции медперсонала, окружающих людей, общества в целом по отношению к невиновному в своем от рождения положительном тесте на ВИЧ герою – все это строится за счет художественных средств и нарративных стратегий (повествование от первого лица, несобственно-прямая речь, исповедь, дневник). В финале «Плюс жизнь» судьба героя до конца не прописана («*Это, что ли, называется жизнь?.. Да ладно*» [5, с. 183, 189]), автор как будто не решается подвести черту, оставляя финал открытым, хотя Лео после срыва сознательно расстается с любимой, уходит из института, увольняется с работы и решает уехать на другой конец страны – в Калининград. А, например, в рассказе «Мы идем в гости» (2005) писателя Романа Сенчина (род. 1971) финал документально честнее: ВИЧ-инфицированного сына маминой сослуживицы «*Вот ведь люди, а! Хуже волков стали...*» [8].

Писатель Булат Ханов – казанец, по образованию преподаватель русского языка и литературы, и герой его «Непостоянных величин» (2017) – дипломированный филолог Роман Тихонов, решивший переехать учительствовать из Москвы в Казань, «*чтобы отстраниться от себя и понять современность, которой нет*» [9, с. 7]. В романе воссоздается узнаваемый портрет современной Казани и типичный образ современной школы, которая «закаляет» героя профессионально и человечески. О своей книге Б. Ханов сказал следующее: «частично <...> отражает опыт моего преподавания в школе. <...> Хотя героя не могу назвать своим двойником ни по части характера, ни по части событий» [10]. Учительский опыт Романа Павловича Тихонова был трудным, опасным, полным открытий и провалов, преимущественно неудачным по разным причинам, последнее письмо Романа Кире – одновременно разочарование и приятие жизни с ее стандартами, с нарушениями и цинизмом, с сочетанием доброты и храбрости. «*Надо возвращать в себе эти качества*» [9, с. 377]. Самоанализ героя, по сути, завершается публицистиче-

ским размышлением об итогах года взрослой жизни: «*кое в чем я преуспел*» [Там же, с. 378].

«Ода радости» (2019) Валерии Пустовой – автобиографический, документальный, по признанию автора, роман об отношениях с матерью, о собственном опыте материнства. «Я хочу рассказать вам не о утрате и даре, не о горе и счастье. А о том, как не сумела их разделить» [11, с. 5]. В интервью С. Шаргунову в программе «Открытая книга» В. Пустовая рассказала о болезни матери, о радостях и трудностях материнства, все это нашло отражение в книге [12]. При всей документальности сюжета сильная сторона романа – его художественность. Перед читателем непрерывный поток мыслей рассказчицы. В первой части «Одна» – разговор с собой, рефлексия по поводу равнодушного медобслуживания в поликлиниках, больницах и хосписе, когда она ухаживала за умирающей матерью, благодарные слова в адрес незнакомых простых людей за их помощь, мысли о писательстве, самоанализ; во второй части «Пара» – размышления о привыкании к «*посланному Богом*» мужчине, о творчестве, о жизни; в третьей части «Третий» – о «*качествах материнства*», о сыне, о собирании воспоминаний: «*...ведь я литератор. Мне нравятся сильные эмоции, шумные слова и эффектные контрапункты*» [11, с. 170].

Повесть дагестанского писателя Ислама Ханипаева «Типа Я» (2021) – о второкласснике Артуре. Герой, как и автор, живет в Махачкале. В тексте создается особый восточный колорит («*Ты живешь в Дагестане*» [13, с. 21], «*Эх, типичный Дагестан*» [Там же, с. 84], «*Лезгинка – это тоже махаловка*» [Там же, с. 115], «*жиесть*» [Там же, с. 27], «*тигар*» [Там же, с. 51] и др.) с его традициями, обычаями, с характерным акцентом. Но документальные характеристики «*любимого Дагестана*» и его жителей уступают место художественности – записям из псевдодневника «*суперкрутого воина*» о 10 днях поисков самого себя, психологическим характеристикам внутренних переживаний ребенка, на глазах которого два года назад погибла мать. Как считает Артур, все вокруг врут, поэтому для него все «*типа*», а единственный друг – крутой Али – воображаемый. «Я хотел показать <...> мальчика, который, как и множество сегодняшних детей, старается искусственно сделать себя популярным, крутым и иногда плохим» [Там же, с. 274].

В романе Екатерины Манойло «Отец смотрит на запад» (2022) одно из основных мест действия – Казахстан. Автор – из русско-казахской семьи, и детство ее прошло в Оренбургской области на границе России и Казахстана. Но это не полно-

стью автобиографическое повествование, несмотря на ряд совпадений сюжета романа и жизни писательницы. С одной стороны, достоверны восточные обычаи, по которым живут Серикбай, Аманбеке и Тулин, но эти нравы (ничтожное положение женщины, кража невесты) показаны как безнадежно устаревшие и жестокие; с другой стороны, читателем принимается искусное вплетение художественно и психологически прописанных элементов мистики (голос умершего Маратика, напоминающий о грехах людей, разговаривающий с отцом, помогающий в трудную минуту Айнагуль и Кате). Но прозвучавшее в начале признание Серикбая *«Может, это сон все еще»* [14, с. 13] становится своего рода лейтмотивом романа: может, Маратик не погиб, может, Наина не бросила дочь и не ушла в монастырь, может, Катя не вернулась в поселок и потом не успела сбежать вместе с Айнагуль и Асхатиком, может, Тулин не украл Айнагуль, не изнасиловал Катю, может, отец не умер. Травма, с которой начинается роман (*«умер Маратик»*), преследует читателя, соединяясь с другими травмами, которые получает героиня, живущая в 1990–2000-е. А финальные *«стало вдруг спокойно»* [Там же, с. 260] и *«голоса утихли»* [Там же, с. 270] не утешают и могут быть объяснены только авторским определением романа как *«хтони с элементом надежды»*.

В основе трилогии Оксаны Васякиной *«Рана»* (2021) [15], *«Степь»* (2022) [16] и *«Роза»* (2023) [17] – ее биография. По сути, это собирательная история о матери, отце и тете Свете: *«Все три текста объединены одной героиней, Оксаной Васякиной, которая ездит туда – ездит сюда. При этом язык и структура этих трех книг разные»* [18]. О. Васякина дает свой ответ, как лично пережитое сделать литературой: *«только исключенность из собственной памяти дает возможность работать с ней как с материалом»* [19]. Сама поэтесса-феминистка О. Васякина относит свою прозу к жанру autofiction [18]. Сейчас «автофикшн», «автодокументальную прозу» активно обсуждают как самый спорный, самый трудный, но самый востребованный литературный жанр и тип повествования. По сути, речь идет о метатексте, где сюжет включает элементы художественного повествования, эссе, публицистических, философских размышлений в духе литературы потока сознания.

В центре романа москвички Веры Богдановой *«Сезон отравленных плодов»* (2022) – взросление москвичей Жени, Ильи и Даши в 1990–2000-е, когда выросла и сама писательница. В Послесловии к роману она признается: *«На мой взгляд, ужасающие теракты тех лет наложили*

отпечаток на все поколение нынешних тридцати- и сорокалетних. Жуткие новости были фоном нашего детства и юности и стали в какой-то мере нормой» [20, с. 346–347]. Документальность повествования касается не только «хроники» жизни Москвы, включающей события 1993, 1995, 1998, 2000, 2004, 2005, 2013 гг., топографию столицы, узнаваемые стереотипы времени (торгаши, проститутки, кавказцы), знаковые образы эпохи (МММ, группы «На-На», «Эйс оф Бейс», радио «Европа плюс», магнитофоны, плееры с наушниками, заграничные вещи и др.), но и судьбы россиян в перестроечно-постперестроечное время, закрепленные статистикой и материалами из СМИ. Само состояние неустроенности, невозможность повзрослеть самому, инфантильность сознания, эскапизм передаются нелинейностью художественного повествования, повторяемостью временных отрезков, неразрешимостью конфликта отцов и детей, пронизанных мотивом обаяловки, страха, нелюбви и запретов. Это В. Богданова решает с помощью художественных средств и нарративных приемов. Искусственная завершенность романа, включающая сериальный happy end отношений Жени и Ильи, обманчива. Читатель, заразившись в начале романа вкусом бабушкиных яблок (*«Яблоко невыносимо кислое, хуже лимона»* [Там же, с. 12]), остается с неудовлетворенным нравственным чувством неправильности происходящего (не только авторское молчаливое оправдание инцеста и убийства как единственного противостояния насилию, но и выбор случайности как способа избежать гибель), независимо от того, что кольцевая композиция романа завершается другим вкусом «отравленных» плодов: *«...мякоть оказывается сахарной, рассыпчатой. – Сладкие! – удивленно восклицает Женья»* [Там же, с. 289].

Примечательно, что рассказ «Нежный возраст» (2001) Андрея Геласимова (род. 1965) построен как дневник одного месяца жизни подростка. Узнаваемы черты 1990-х, собирающиеся не только из оппозиции материальное/духовное, конфликта отцов и детей, мотивов одиночества, ненужности, проблемы физиологического и психологического взросления подростка, поисков героем своего «я» и безуспешных попыток самому выбрать свою судьбу. Финал, в отличие от «Сезона отравленных плодов» В. Богдановой, однозначный, не шадящий читателя своей реалистичностью, потому что жизнь героя не может «кончиться» по-другому: *«Октябрина Михайловна умерла. Вчера вечером. Большие не буду писать. Не буду»* [21, с. 218]. Учительница музыки была единственной, кто поняла одиночество

мальчика и позаботилась о нем, только она помогла ему «нежно» взрослеть (настойчиво просила прочитать «Портрет Дориана Грея» О. Уайльда и посмотреть фильм «Завтрак у Тиффани» с Одри Хепберн), в отличие от равнодушных, занятых собой родителей, учителей и сверстников. Ее смерть приравнена к гибели «нежного возраста» героя.

В интервью и знаковых текстах поколения «тридцатилетних» практически нет акцента на ценности Истории и личности в истории. Читая тексты «тридцатилетних», и не ждешь обращения к этой теме. Но такие примеры есть. Только в традицию исторической прозы они не вписываются. Назову написанные в 2018 году «Жизнь А.Г.» [22] Вячеслава Ставецкого и «Желание исчезнуть» [23] Константина Куприянова. Альтернативная история, личная травма, герой – бунтарь и манипулятор, параллели между сознанием людей, тронутых и не тронутых войной и Историей. Узнаваемые реалии и события как бы Испании, как бы России, несмотря на сноску про вымышленность героев и случайность совпадений. Перед нами художественная игра в историю с помощью документальных прецедентов (имен, событий, поступков). И игра на читательском узнавании и угадывании пока остается в пределах одного поколенческого восприятия времени согласно их представлению о прошлом на основе школьных учебников, современных фильмов и компьютерных игр, потому для этого поколения «тридцатилетних» альтернативная история предпочтительнее Истории реальной. Хотя у В. Ставецкого больше шансов выйти за рамки восприятия «тридцатилетних».

В чем же отличие соединения документальности и художественности в прозе поколения «тридцатилетних» по сравнению с прозой «новых реалистов» и с прозой XX века? Если реалисты XX века и «новые реалисты» начала XXI века настаивали на принципиальном следовании документу и лично пережитому опыту и отказывали литературе в домысливании истории, то «тридцатилетние» исходя из личного опыта и наблюдений за окружающей жизнью в своих текстах делают попытку обобщения поколенческой социализации, которую на самом деле они не наблюдали и сами не переживали. Достоверность в прозе «тридцатилетних» художественно конструируется из реальных элементов своей жизни и типичных ситуаций. Хотя авторы не стремятся сочинять реальность, в читательском восприятии она видится как убедительная, но все-таки имитация достоверности. Сами писатели поколения «тридцатилетних» очень дорожат документальностью тех фактов, без которых не-

возможно представить эпоху, в которой они выросли, и эпоху, в которой они сейчас живут. Но при этом, как мне представляется, эти писатели хотят, чтобы именно писательство позволило им увидеть другие грани достоверности. Их «перформативная непроверяемая достоверность» – это концентрация, соединение прямой документальности и форм литературы для создания художественной документальности времени.

Своеобразие художественного метода «тридцатилетних» писателей – прежде всего в особом соединении документального и художественного, взятых из личной биографии авторов, истории эпох и придуманных авторами типичных для романного времени событий, ситуаций, героев, развития сюжета. Успешность текста и читательского отклика на него строится и держится исключительно на манипуляции восприятием, лишаящей читателя интерпретационной свободы. Все элементы документального в прозе поколения «тридцатилетних», на мой взгляд, являются способом заявить о невымышленном герое и о невымышленной жизни в невымышленных обстоятельствах. Новизна художественного метода писателей-«тридцатилетних» – в откровенной пробе того, как «написать» реальность, как передать документальность времени, современных социальных проблем, поколенческого опыта и как достичь читательского внимания.

Список источников

1. *Солженицын А. И.* Нобелевская лекция // А. И. Солженицын. Собр. соч.: в 9 т. Т. 7: В Советском Союзе. 1967–1974; На Западе. 1974–1989. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2001. С. 17–33.
2. *Родионов И.* На дно, к звездам. Заметки об отечественной литературе 2019–2022 гг. М.: АСПИ, 2022. 232 с.
3. *Родионов И.* Выйти из постмодерна (токсично-полемическая статья) // Школа критики: сб. ст. о прозе и поэзии Тула: Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», 2022. 200 с.
4. *Бахтин М. М.* Роман воспитания и его значение в истории реализма // М. М. Бахтин Собр. соч.: в 7 т. Т. 3: Теория романа (1930–1961 гг.). М.: Языки славянских культур, 2012. С. 180–217.
5. *Гептинг К.* Плюс жизнь. М.: LikeBook, 2019. 192 с.
6. Кристина Гептинг: «Борьба нашего поколения проходит в тематических пабликах»: Интервью с лауреатом премии «Лицей» (16.11.2018). URL: <https://eksmo.ru/interview/intervyu-s-kristinoy-gepting-ID15441240/> (дата обращения: 12.05.2023).
7. Интервью с Кристиной Гептинг (11.06.2022). URL: <https://dzen.ru/a/YqSfL8MESVLCgsR8> (дата обращения: 12.05.2023).
8. *Сенчин Р.* Мы идем в гости // Дружба народов. 2006. № 7. URL: <https://magazines.gorky.media/>

- druzhba/2006/7/my-idem-v-gosti.html (дата обращения: 12.05.2023).
9. Ханов Б. Непостоянные величины. М.: Эксмо, 2019. 384 с.
 10. Интервью с Булатом Хановым: «Я из писательской среды, в которой возрастут авторы будущих бестселлеров» (10.10.2019). URL: <http://literatura.today/interview/bulat-hanov/> (дата обращения: 12.05.2023).
 11. Пустовая В. Ода радости: роман. М.: Эксмо, 2019. 416 с.
 12. Авторская программа С. Шаргунова на канале «Культура» «Открытая книга»: Валерия Пустовая (Эфир от 09.03.2023). URL: <https://smotrim.ru/video/2575354> (дата обращения: 12.05.2023).
 13. Ханипаев И. Типа я. Дневник суперкрутого воина: повесть. М.: Альпина нон-фикшн, 2023. 276 с.
 14. Манойло Е. Отец смотрит на запад: роман. М.: Альпина нон-фикшн, 2023. 272 с.
 15. Васякина О. Рана. Роман. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 280 с.
 16. Васякина О. Степь: Роман. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 232 с.
 17. Васякина О. Роза. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 200 с.
 18. «Часто люди путают терапию с письмом»: интервью Т. Столяр с О. Васякиной (23.03.2023). URL: <https://theblueprint.ru/culture/paper/independence-issue-vasakina> (дата обращения: 12.05.2023).
 19. Залечить рану: интервью Н. Ломыкиной с О. Васякиной (27.01.2022). URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/453843-zalecit-ranu-kak-oksana-vasakina-napisala-roman-o-poezdke-v-sibir-s-prahom-materi> (дата обращения: 12.05.2023).
 20. Богданова В. Сезон отравленных плодов. М.: Редакция Елены Шубиной, 2023. 348 с.
 21. Геласимов А. Нежный возраст // А. Геласимов. Жажда: сб. повестей и рассказов. М.: Изд-во Эксмо, Изд-во Яуза, ОГИ, 2004. 320 с. С. 199–218.
 22. Ставецкий В. В. Жизнь А.Г.: роман. М.: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2019. 320 с.
 23. Курприянов К. А. Желание исчезнуть. М.: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2019. 411 с.
- References
1. Solzhenitsyn, A. I. (2001). *Nobelevskaya leksiya* [The Nobel Lecture]. A. I. Solzhenitsyn. *Sobr. soch.: v 9 t. T. 7: V Sovetskom Soyuze. 1967–1974; Na Zapade. 1974–1989.* Pp. 17–33. Moscow, TERRA-Knizhnyi klub. (In Russian)
 2. Rodionov, I. (2022). *Na dno, k zvezdam* [Down to the Stars]. *Zametki ob otechestvennoi literature 2019–2022 gg.* 232 p. Moscow, ASPI. (In Russian)
 3. Rodionov, I. (2022). *Vyiti iz postmoderna (toksichno-polemicheskaya stat'ya)* [Get Out of Postmodernity (A Toxic-Polemical Article)]. *Shkola kritiki: sb. st. o proze i poezii.* Tula, Muzei-usad'ba L. N. Tolstogo "Yasnaya Polyana". (In Russian)
 4. Bakhtin, M. M. (2012). *Roman vospitaniya i ego znachenie v istorii realizma* [The Bildungsroman and Its Significance in the History of Realism]. M. M. Bakhtin *Sobr. soch.: v 7 t. T. 3: Teoriya romana (1930–1961 gg.)*. Pp. 180–217. 200 p. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur. (In Russian)
 5. Gepting, K. (2019). *Plyus zhizn ' [Plus Life]*. 192 p. Moscow, LikeBook. (In Russian)
 6. Kristina Gepting: "Bor'ba nashego pokoleniya prokhodit v tematicheskikh pablikakh": *Interv'yu s laureatom premii "Litsei"* (16.11.2018) [Christina Gepting: "The struggle of our generation takes place in thematic publics": An interview with the laureate of the Lyceum Award]. URL: <https://eksmo.ru/interview/intervyu-s-kristinoy-gepting-ID15441240/> (accessed: 12.05.2023). (In Russian)
 7. *Interv'yu s Kristinoy Gepting* (11.06.2022) [An Interview with Christina Gepting]. URL: <https://dzen.ru/a/YqSfL8MESVLCgsR8> (accessed: 12.05.2023). (In Russian)
 8. Senchin, R. (2006). *My idem v gosti* [We're Going on a Visit]. *Druzhba narodov.* No. 7. URL: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2006/7/my-idem-v-gosti.html> (accessed: 12.05.2023). (In Russian)
 9. Khanov, B. (2019). *Nepostoyannye velichiny* [Variables]. 384 p. Moscow, Eksmo. (In Russian)
 10. *Interv'yu s Bulatom Khanovym: "Ya iz pisatel'skoi sredy, v kotoroi vzzrastut avtory budushchikh bestsellerov"* [An Interview with Bulat Khanov: "I am from a writers' environment in which the authors of future bestsellers will grow up"]. (10.10.2019). URL: <http://literatura.today/interview/bulat-hanov/> (accessed: 12.05.2023). (In Russian)
 11. Pustovaya, V. (2019). *Oda radosti: roman* [An Ode to Joy: A Novel]. 416 p. Moscow, Eksmo. (In Russian)
 12. *Avtorskaya programma S. Shargunova na kanale "Kul'tura" "Otkrytaya kniga": Valeriya Pustovaya* [The Author's Program of S. Shargunov on the Channel "Culture" "Open Book": Valeriya Pustovaya]. (Efir ot 09.03.2023). URL: <https://smotrim.ru/video/2575354> (accessed: 12.05.2023). (In Russian)
 13. Khanipaev, I. (2023). *Tipa ya. Dnevnik superkrutogo voina: povest'* [Like Me. A Diary of a Super Cool Warrior: A Story]. 276 p. Moscow, Al'pina non-fikshn. (In Russian)
 14. Manoilo, E. (2023). *Otets smotrit na zapad: roman* [Father Looks West: A Novel]. 272 p. Moscow, Al'pina non-fikshn. (In Russian)
 15. Vasyakina, O. (2021). *Rana. Roman* [A Wound. A Novel]. 280 p. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)
 16. Vasyakina, O. (2022). *Step': Roman* [The Steppe: A Novel]. 232 p. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)
 17. Vasyakina, O. (2023). *Roza* [Rose]. 200 p. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)
 18. "Chasto lyudi putayut terapiyu s pis'mom": *interv'yu T. Stolyar s O. Vasyakinoi* (23.03.2023) ["People Often Confuse Therapy with Writing": T. Stolyar's Interview with O. Vasyakina]. URL: <https://theblueprint.ru/culture/paper/independence-issue-vasakina> (accessed: 12.05.2023). (In Russian)
 19. *Zalechit' ranu: interv'yu N. Lomykinoi s O. Vasyakinoi* (27.01.2022) [Heal the Wound: An Interview with N. Lomykina and O. Vasyakina]. URL:

<https://www.forbes.ru/forbes-woman/453843-zalecit-ranu-kak-oksana-vasakina-napisala-roman-o-poezdke-v-sibir-s-prahom-materi> (accessed: 12.05.2023). (In Russian)

20. Bogdanova, V. (2023). *Sezon otravlennykh plodov* [A Poison Fruit Season]. 348 p. Moscow, Redaktsiya Eleny Shubinoi. (In Russian)

21. Gelasimov, A. (2004). *Nezhnyi vozrast* [Tender Age]. A. Gelasimov. Zhazhda: sb. povestei i rasskazov.

Pp. 199–218. 320 p. Moscow, izd-vo Eksmo, izd-vo Yauza, OGI. (In Russian)

22. Stavetskii, V. V. (2019). *Zhizn' A. G.: roman* [A. G.'s Life: A Novel]. 320 p. Moscow AST; Redaktsiya Eleny Shubinoi. (In Russian)

23. Kupriyanov, K. A. (2019). *Zhelanie ischeznut'* [A Wish to Disappear]. 411 p. Moscow, AST; Redaktsiya Eleny Shubinoi. (In Russian)

The article was submitted on 16.06.2023

Поступила в редакцию 16.06.2023

Алтынбаева Гульнара Монеровна,
доктор филологических наук,
профессор,
Саратовский национальный
исследовательский государственный
университет имени Н.Г. Чернышевского,
410012, Россия, Саратов,
Астраханская, 83.
altynbaevagm@sgu.ru

Altynbaeva Gulnara Monerovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Saratov State University,

83 Astrakhanskaya Str.,
Saratov, 410012, Russian Federation.
altynbaevagm@sgu.ru